

МАКСИМ ХАМОЯН

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ ПАРЕМИОЛОГИЗМА

(На материале курдского языка)

В специальной литературе широкое распространение имеет мнение, согласно которому устойчивые словосочетания и предложения, в число которых входят и паремнологизмы, образуются по грамматическим (синтаксическим) моделям переменных словосочетаний и предложений и подобно им имеют структуру формально-смысловой сцепки, т. е. являются единствами, одну сторону которых образует сцепление форм компонирующих слов, связанных между собой формальными связями, а другую сторону — сцепление значений компонирующих слов, связанных между собой смысловыми связями¹. Однако в результате исследования паремнологического материала курдского языка выясняется, что паремнологизмы образуются по особой, присущей только им структурно-семантической модели и реализуются как структурно-семантические элементы, а не структурно-семантические сцепки. Обнаружение этой модели обуславливает коренные изменения во взглядах на природу паремнологизмов. Оно имеет принципиально важное значение для определения паремнологического состава языка и его отграничения, с одной стороны, от других типов устойчивых словосочетаний и предложений и, с другой стороны, от малых жанров устного народного творчества, в число которых включаются они некоторыми исследователями.²

Ниже приводится краткое описание этой модели.

Анализ паремиологизма (так же, как и других языковых единиц) в целостном (интегральном) аспекте на уровне причинно-следственных связей выявляет его лингвистическое назначение в системе языка и модель, по которой он образуется.

1. Под назначением имеется в виду свойство удовлетворения потребности: языковые образования, в том числе паремиологизмы, возникают из потребности в общении—в передаче (выражении) определенного идеального содержания—единицы мысли. Из этого следует, что языковые образования имеют свойство удовлетворения потребности, ибо то, что возникает из потребности, обладает свойством удовлетворить эту потребность. Таким образом, рассматривая языковые образования в их связях с порождающей их потребностью, мы обнаруживаем у них особое обособленное свойство—свойство удовлетворения потребности, изначально присущее им. Это свойство, до сих пор не отмеченное в литературе, условно названо автором лингвистическим назначением языкового образования. Оно представляет собой единство двух сторон (аспектов) языкового образования: цели, которой оно служит в системе, и определяющегося этой целью его языкового устройства, обладающего тремя типами особенностей:

- а) всеобщих, присущих всем языковым образованиям;
- б) общих, свойственных только определенному кругу языковых образований;
- в) индивидуальных, присущих только данному конкретному языковому образованию.

Эти три типа особенностей вместе с целью, которой служит языковое образование, позволяют ответить на три разных вопроса, касающихся природы структурно-семантической организации языкового образования: из чего оно состоит (характер материала), что оно отражает или обозначает (характер действительности) и как оно отражает (специфика отражения) и, в зависимости от этого, каков характер его организации. Таким образом, термин «назначение» применя-

ется здесь в двух планах: назначение как совокупность всех частных признаков языкового образования вместе с целью, которой оно служит в системе; назначение как анализ по назначению, как метод, прием установления последнего. Этот метод, условно названный в некоторых работах автора социолингвистическим методом,³ имеет то преимущество перед существующими в лингвистической литературе методами определения внутренних границ языка, и, в частности, различными методами определения объекта и границ различных научных дисциплин, что приводит к выявлению одного, единого, истинного критерия разграничения различных типов языковых единиц—специфики их назначения: подобно тому как язык отграничен от других общественных явлений спецификой своего назначения, соответствующей специфике породившей его потребности, различные типы проявления языка—языковых единиц на наиболее общем уровне его членения отграничены друг от друга спецификой своего назначения, соответствующей характеру различных типов породившей их потребности в общении. Между тем встречающиеся в языкознании разные методики выделения и анализа языковых единиц, направленные на их научное определение, построены на явном несоблюдении соизмеримости исследовательского направления с задачей исследования. В то время как вопрос «что такое язык?» требует ответа—научного определения, основанного на его назначении, придаваемые ему определения не касаются этого аспекта. В частности, существующие определения языка как средства человеческого общения основаны на специфике его назначения главным образом в части цели его возникновения как его социальной сущности. В отношении же интерпретации самой лингвистической сущности языка—его устройства в аспекте его связей с потребностью они отстают. С другой стороны, в то время как при определении языка главное внимание уделяется социальной стороне его сущности—его функции общения, при определении языковых единиц, наоборот, основной упор делается на лингвистическую сторону их сущности—на осо-

близости их внутренней структуры или внешние собственно структурные связи. Причиной появления в науке разных определений языка и языковых единиц является не недостаточность их изучения в частных аспектах, не преимущество одних из этих аспектов перед другими, а именно то, что вопрос об определении языка и языковых единиц решается без выбора для этой цели соответствующего общего аспекта исследования. Несоответствие выдвинутых частных аспектов исследования задаче научного определения, приведшее к порождению множества разных определений одного и того же объекта является причиной того, что лингвистика до сих пор не обладает единым критерием определения внутренних границ языка.

Лингвистическое назначение языкового образования не относится к числу его частных свойств, не находится на одном уровне с его структурно-семантическими и функциональными особенностями. В зависимости от этого аспект изучения элементов языка в их связях с потребностью подлечит строгому различению и отграничению от традиционно выделяемых трех аспектов: структурного, семантического и функционального. Главной особенностью такого исследования является то, что позволяет выявить не только особенности внутренней структуры языкового образования, но и цель, которой оно служит в языке. Именно эта особенность и является обязательным условием для соответствия данного подхода задаче исследования, состоящей в раскрытии назначения как объективной основы определения языкового образования. Любое определение языкового образования, не содержащее указание на то, какой цели оно служит, не может быть полноценным определением. Сам вопрос «что такое языковое образование?» уже предполагает ответ, основанный на его назначении.

Единственно объективное определение языка—это определение, основанное на его назначении. Из определения языка, основанного на его назначении, мы выводим определение его единиц. Метод их выделения и анализа по назна-

чению применяется в соответствии с их важнейшим признаком—спецификой их назначения, являющейся критерием их разграничения на наиболее общем уровне членения языковой системы. По этому критерию устойчивые словосочетания курдского языка дифференцируются на следующие разновидности: фразеологизмы, устойчивые речевые единицы, имеющие контактно-устанавливающее назначение, синтаксические, переменнo-устойчивые обороты и паремнологизмы.⁴

Паремнологизмами являются устойчивые языковые образования, обладающие паремнологическим назначением. К ним относятся обороты типа: *хэта хар ьон гае пирданэ* (букв.: кривая борозда находится под старым быком), *жён стина малейэ* (букв.: женщина—это колонна (опора) дома) и т. д. От других типов устойчивых предложений языка, а также от слов и фразеологизмов они отличаются прежде всего характером отражаемой ими действительности и спецификой самого отражения. Референтами паремнологизмов являются общие закономерности сферы социальной, а нередко и внесоциальной жизни и характеризуют паремнологию как народную философию, как своего рода дидактический кодекс народа в его познавательной деятельности.

Законы общества познаются на основе накопления опыта наблюдений над их отдельными, частными проявлениями, являющимися их конкретными реализациями в действительности. Отдельные частные проявления еще непознанной общей закономерности, встречающиеся повсюду, отражаются в сознании в форме единицы мысли, имеющей структуру суждения. В результате познания связи между подобного рода проявлениями одной и той же закономерности и установления взаимоотношений между самими суждениями о них из последних возникает умозаключение о самой закономерности, являющееся особой формой отражения действительности. Как только умозаключение возникает, оно требует своей языковой объективизации—формы своего выражения. Таким образом, паремнологизм возникает как языковой представитель социальной закономерности на основании умоза-

ключения о ней. Наличие умозаключения, определяющего собой сложный комплекс особенностей, характерных только для строения паремиологизма, является важнейшим и неприменимым условием его образования. Но при этом оно формируется и становится фактом языка лишь благодаря форме его лингвистической объективации, с которой оно образует неразрывное языковое единство. Что касается формы (материальной оболочки) паремиологизма, то она не представлена в готовом виде, а впервые складывается из имеющихся в языке готовых элементов-слов из потребности в выражении умозаключения. Это означает, что паремиологизм образуется, опираясь, с одной стороны, на результаты познавательной деятельности человека, а с другой — на достижения его языкотворчества. В зависимости от этого определение паремиологизма в качестве двуплановой единицы не представляется полным без указания на взаимоотношения между его двумя планами. Этот аспект изучения паремиологизма особенно важен тем, что ведет к выявлению тех качеств паремиологических значений — умозаключений и паремиологических форм, благодаря которым они вступают в связь друг с другом и образуют соответствующие паремиологические единства.

2. Если языковое образование возникает из потребности в выражении единицы мысли идеального содержания, то правомерно моделировать процесс его образования в схеме «значение → форма», где стрелкой указывается направление процесса его построения, начинающегося значением и завершающегося формой. При этом в такой схеме выявленная универсальная лингвистическая модель имеет разные типы проявления, которые лежат в основе организации различных форм языкового материала — становления языковых единиц разных систем строения. В частности, в особом типе проявления она лежит в основе образования слов, в другом типе своего проявления она встречается у фразеологических единиц, в специфических формах она лежит в основе образования некоторых типов устойчивых словосочетаний, в число

которых по признаку устойчивости входят паремнологизмы. Эти типы проявления универсальной лингвистической модели отличаются друг от друга своей схемой функционирования, особенностями состава наполняющего их языкового материала. О некоторых из них, характерных для слов, фразеологизмов и переменных словосочетаний и предложений, сообщается в наших работах, посвященных описанию фразеобразовательной модели.⁵ Здесь же приводятся некоторые сведения о типе проявления данной модели, лежащем в основе образования паремнологизмов. Его можно условно называть паремнообразовательным типом проявления модели или, для удобства, просто паремнообразовательной моделью. Однако прежде чем приступить к его описанию, отметим еще и то, что он функционирует в двух вариантах: развернутом и свернутом, по которым паремнологический состав языка дифференцируется на две разновидности: паремнологизмы, образующиеся по развернутому варианту, и паремнологизмы, образующиеся по свернутому варианту. Паремнологизмы развернутого варианта имеют развернутую материальную оболочку, представленную полностью персосмысленным компонентным составом. Паремнологизмы же свернутого варианта имеют свернутую материальную оболочку, представленную непереосмысленным или частично персосмысленным компонентным составом.

Попытаемся воспроизвести паремнообразовательную модель сперва в ее развернутом варианте на примере паремнологизма *Хэта хар бьн гае пирданэ* (букв.: кривая борозда (находится) под старым быком). Со стороны воспроизводящего схема этого паремнологизма в самой общей форме представляется в виде «значение (умозаключение) → форма», где стрелкой указывается направление процесса его построения, начинающегося значением и завершающегося формой. Эта же схема со стороны воспринимающего паремнологизм приобретает форму обратную—«форма → значение (умозаключение)», где стрелка означает направление процесса восприятия паремнологизма, который начинается

формой и завершается значением. Паремиологизм сперва воспринимается в части звучания—сцепления форм компонирующих слов, связанных между собой формальными связями и образующих формальную сцепку *Хэта хар бьн гог пирданэ*. Вслед за этой формальной сцепкой воспринимается суждение «кривая борозда (находится) под старым быком»—в смысле: «причина кривой борозды (коренится) в уклончивости старого быка», представляющее собой сцепление значений компонирующих слов, связанных между собой смысловыми связями и образующих смысловую сцепку, облеченную в данную формальную сцепку и составляющую вместе с ней отдельную формально-смысловую сцепку. В составе паремиологизма эта формально-смысловая сцепка выделяется как отдельный, самостоятельный блок, который служит основой образования его материальной оболочки. Следом за этим блоком воспринимается некое суждение в виде «причина неполадок (неприязни, ссоры) коренится в неискренности старшего (руководителя)», связанное с этим блоком как формой своей объективации на основе отношения сравнения—уподобления—отождествления с суждением «причина кривой борозды (коренится) в уклончивости старого быка», с которым имеет общий признак «нечестность (неискренность)». Оно вместе с этим блоком образует другой, отдельный, самостоятельный блок в следующей структуре:

«Хэта хар бьн гае пирдане—звучание—(подобно тому как (причина кривой борозды (коренится) в уклончивости старого быка → (так и) причина неполадок коренится в неискренности старшего (руководителя)», где стрелка означает, что первая часть структуры, т. е. первый блок выступает формой лингвистической объективации следующего за ним суждения, образуя и вместе с ним новый блок. Но восприятие паремиологизма формированием этого—второго блока не завершается. Вслед за ним воспринимается некая единица мысли в виде умозаключения «(так что) причина неполадок исходит от старшего (руководителя)», имеющего в ка-

честве формы своей объективации этот блок и образующего вместе с ним другой, отдельный, третий блок на основе установления причинно-следственных связей с предшествующим ему суждением «причина неполадок коренится в неискренности старшего (руководителя)». Умозаключение воспринимается как вывод, заключение из этого причинного суждения и в то же время как его следствие. Им же завершается восприятие паремниологизма.

Структурно-семантический состав воспринятого паремниологизма представляет собой сложную конструкцию, состоящую из трех блоков:

Первый блок: формально-смысловая сцепка—*хэта лар бын гае пирданэ*.

Второй блок: первый блок+суждение «причина неполадок коренится в неискренности старшего (руководителя)».

Третий блок: второй блок+умозаключение «(так что) причина неполадок исходит от старшего».

Со стороны воспроизводящего—образующего паремниологизм порядок расположения этих блоков представляется в обральной форме:

Первый блок: умозаключение «(так что) причина неполадок исходит от старшего+второй блок.

Второй блок: суждение «(потому что) причина неполадок коренится в неискренности старшего»+третий блок.

Третий блок: формально-смысловая сцепка *хэта харбын гае пирданэ*.

В этом случае сцепление трех блоков отражает полную картину процесса образования паремниологизма:

«Причина неполадок исходит от старшего (руководителя)» → (потому что) причина неполадок коренится в неискренности старшего (руководителя)» → «(подобно тому как) причина кривой борозды (коренится) в уклончивости старого быка»—звучание—сцепление форм komponирующих слов».

Из этой интерпретации паремниологизма явствует, что представленные в нем блоки находятся в своеобразных пе-

рархических отношениях: третий блок—носитель суждения—сравнения содержится в составе второго блока в качестве его строительного материала, а последний—в составе первого блока. Первый блок отражает модель образования—воспроизведения пареммологизма в форме «значение—форма», где значением выступает умозаключение, а формой—второй блок.

Умозаключение облачается во второй блок на основании причинно-следственных отношений, устанавливаемых между ними:

«Причина неполадок исходит от старшего, потому что причина неполадок коренится в старшем». Это суждение является сложноподчиненным суждением с придаточным причины. В нем главной частью является:

«Причина неполадок исходит от старшего», а придаточной частью—«(потому что) причина неполадок коренится в неискренности старшего».

Между обеими частями выявляются причинные отношения: в придаточной части указывается причина того, о чем говорится в главной части. Из этого следует, что собственно пареммологической семантемой, из потребности в выражении которой возник данный пареммологизм, является главная часть—умозаключение. Будучи выводом, заключением из причинного суждения, умозаключение не обладает собственным средством языкового выражения. Оно объективируется путем включения этого суждения в связь с суждением о некоторой внесоциальной закономерности, облакаясь в его материальную оболочку. Суждение причинное соединяется с суждением-сравнением о внесоциальной закономерности по ассоциации—на основе установления между ними отношений сравнения—уподобления—отождествления: суждение «причина неполадок коренится в неискренности старшего» на основе ассоциации по сходству вызывает суждение «причина кривой борозды коренится в уклончивости старого быка», облескаясь в его материальную оболочку.

Модель «умозаключение — второй блок» в своем свернутом варианте, присутствующая у всех паремнологизмов с полностью переосмысленным компонентным составом, в несколько упрощенном, свернутом варианте лежит в основе образования паремнологизмов с непереосмысленным или частично переосмысленным компонентным составом. В последнем случае она вместо четырех допускает наполнение трех элементов, которыми являются:

а) умозаключение, б) причинное суждение, в) звучание—сцепление форм компонирующих слов.

Проиллюстрируем ее на примере паремнологизма *хэл и мьрьн йэкьн*, в котором все компоненты сохраняют свои значения

а) умозаключение «(так что) спящий человек без «сознания» (не знает, что творится с ним и вокруг него), б) причинное суждение «(потому что) сон то же самое, что и смерть, сон и смерть (спящий и мертвый)—одно и то же», в) звучание—сцепление форм компонирующих слов.

Рассмотрим другой пример: *жьн стуна малейэ*, обнаруживающий частично переосмысленный компонентный состав:

а) умозаключение «дом (семья) основан на женщине», б) причинное суждение «(потому что) женщина (как колонна)—опора дома (дом опирается на женщине)», в) звучание—сцепление форм компонирующих слов.

Эти и аналогичные примеры паремнологизмов с непереосмысленным или частично переосмысленным компонентным составом обнаруживают сцепление двух блоков:

Первый блок: умозаключение+второй блок.

Второй блок: суждение причинное—звучание—сцепление форм компонирующих слов.

Таким образом, в подобного рода паремнологизмах отсутствует третий блок, а точнее, образующее его суждение—сравнение. Однако отсутствие этого суждения не означает нарушения паремнообразовательной модели, поскольку, как это видно из приведенных примеров, причинное суждение, само по себе построенное на основе отношения сравнения

уподобления—отождествления между предметами (сон и смерть, женщина и колонна), своеобразно компенсирует суждений-сравнение, выступает компоновкой функций двух блоков.

Итак, назначение паремиологизма—служить языковой констатацией социальной закономерности на основании умозаключения о ней.

Паремиологизм образуется по особой модели в структуре «умозаключение+второй блок», реализующейся в двух вариантах. Этой моделью определяется особый характер комплексной организации паремиологизмов, отличающий их от других типов языковых единиц, выделяющихся на наиболее общем уровне членения языковой системы. В связи с этим правоммерно предоставить паремиологии право на существование в качестве отдельной, самостоятельной научной дисциплины, а в зависимости от этого и выделить подчиненную ей отрасль паремиографии и поместить ее в один ряд с лексикографией и фразеографией.

MAKSIM KHAMOIAN

THE LINGUISTIC APPOINTMENT AND THE MODEL OF FORMING PAREMEOLOGISM

(On the material of Kurdish)

Paremeologism are the units of the language with the structure of the sentence, only with their own structural—semantic models and they possess a specific linguistic appointment in the system of language. The linguistic appointment of paremeologism is its isolating global property, its satisfying property demanded by social necessity which is presented as a unit of its two aspects: the aim with the help of which it serves in the system and connected with this aim its complex structure which has three kinds of peculiarities: general peculiarity which all the language formations have, common pecu-

ilarity connected only with the paremeologism and individual peculiarity. These peculiarities, with the aim of paremeologism, give us an opportunity to answer three different questions connected with its social and linguistic nature:

1. What does it consist of? (the character of material).
2. What does it reflect? (the specific reflection).
3. How is its reflection? (the specific of reflection) and depending upon this.
4. What is the character of its order?

Paremeologism appears as language representative of the conformity with the law in the sphere of social life on the basis of conclusion. Paremeologism is formed with the following universal structural—semantic model „Conclusion + cause thinking + comparative thinking + utterance“. But something it is realised by this scheme „Conclusion + cause thinking (built on the basis of comparison) + utterance“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: А. В. Кунин. Фразеология современного английского языка. М., 1972, с. 2; А. И. Молотков. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 32; А. Г. Назарян. Фразеология современного французского языка. М., 1976, с. 53.

² См.: Ю. В. Рождественский. Введение в общую филологию. М., 1979, с. 20.

³ М. У. Хамоян. Основы фразеологии курдского языка. Ереван, 1988, с. 13.

⁴ Там же, с. 65.

⁵ Там же, с. 68.